

В наши дни такой спектакль редкость, пожалуй, даже дерзость. Водопроводная колонка: качают насос, течет вода. Развешивают белье — мокрое. Дети копаются в мусорном ящике, прачка в крохотном сарайчике стирает белье.

В театре «Ванемуйне» идет спектакль «На задворках», поставленный Каарелом Ирдом, инсценировка Арди Лийвеса по повести Оскара Лутса.

Ирд — человек серьезный, прием ради приема ему неинтересен, и реставрировать эстетику натуралистического театра он тоже не собирался. Потом станет ясно, для чего ему понадобилось так тщательно воссоздавать характеры и обстоятельства буржуазной Эстонии начала 30-х годов, а пока, в начале спектакля, кажется, что единственная его цель — точность, документальность. На занавес спроецированы газетные вырезки сорокалетней давности, в них мы найдем прямые соответствия с персонажами и сюжетными коллизиями спектакля. Вырезки эти воспроизведены и в программе, среди них есть объявление, помещенное в тартуской газете неким химикомантом — предсказателем (человек с такой профессией есть среди действующих лиц).

Режиссеру как бы тесно в рамках сюжета, поэтому он дает нам возможность наблюдать за обитателями задворок и в те моменты, когда они не участвуют в действии. Вращается круг, течет жизнь в комнатах и комнатухах двух воздвигнутых на сцене домиков. Хиромант принимает очередную клиентку; дети Татьяна Васильевны, вдовы бывшего русского чиновника, тихо играют в шашки; бойкая девица Трууде кру-

РЕПОРТАЖ

из

ПРОШЛОГО

тит патефон; у человечка по прозвищу Салака-Хлеб, превратившего свою комнатушку в притон, режутся в карты. Жизнь идет серая, тяжкая, токсичная, в которой радости проходят быстро, а горе остается надолго. Здесь могут довести до самоубийства девушку, опозорить так, от нечего делать, женщину, могут оклеветать, оскорбить, выгнать с работы. Тяжкая, беспросветная жизнь... Режиссер как будто и не сгущает краски, наоборот, подчеркивает моменты, когда «униженным и оскорбленным» удается противостоять обидчикам и угнетателям. Но так мнимо и кратковременно это торжество, что яснее ясно — ничего не изменится оттого, что добрая и энергичная Мария Сергеевна возьмет к себе одного из детей попавшей в больницу Фени: не может же она оставить его у себя. И что делать с остальными детьми?

Неторопливо течет действие (к сожалению, неторопливость, заданная повествовательной интонацией спектакля, порой превращается в актерскую вялость) — из последних сил борется с нуждой Татьяна Николаевна; полицейский инспектор разыскивает башмаки, якобы украденные у сапожника Капрала, хотя тот сам пропил их; пытается уберечь дочку старуха-прачка. Течет жизнь, и до поры до времени кажется, что

смысл и назначение поставленного Ирдом спектакля лишь в том, чтобы показать эти вот задворки и их обитателей, показать, как жили бедные люди в Тарту сорок лет назад. Но вот Праги, журналист, в сарае беседует с тремя стариками, давними своими знакомыми. Вспоминает их жизнь, в которой когда-то были и мечты, и радости, а теперь осталась только необходимость добыть себе кусок хлеба. Такими могут стать через несколько лет и другие персонажи спектакля, когда состарятся и устанут бороться с нуждой и унижениями. И тогда Праги говорит, что, пожалуй, напишет об этих людях и их жизни.

Для чего напишет? В конечном счете для того, чтобы через сорок лет люди, пришедшие вечером в театр «Ванемуйне», знали доподлинно, из первых, так сказать, рук (это ведь молодость и самого Ирда), во всех подробностях правду о том, как жили их отцы. Один из эстонских критиков сказал, что скоро молодежь города будет делиться на тех, кто видел этот спектакль, и тех, кто его не видел. Добавлю от себя, что первые окажутся в выигрыше — они будут больше знать о прошлом и, следовательно, лучше понимать и ценить настоящее.

Ю. СМЕЛКОВ.

«Сов. культура», 1975, 18 апр.